

На помосте Яосюань рухнул на колени. Из зияющих ран на его теле непрерывным потоком струилась призрачная кровь.

У подножия помоста Е Хуая сотрясала все более жестокая дрожь. Цзян Ту прижал ладонь к его плечу, но стоило духовным силам проникнуть в тело юноши, как их мгновенно поглотила бездонная черная пропасть. Тогда он прижал ледяные пальцы к его шее:

— Е Хуай!

Под подушечками его пальцев судорожно билась тонкая жилка. Юноша походил на умирающего лебедя; пульс едва прощупывался.

Цзян Ту нахмурился и устремил пристальный взгляд на помост.

Припадок Е Хуая начался ровно в ту секунду, когда над Яосюанем начали совершать казнь. Чем сильнее мучился осужденный, тем тяжелее приходилось юноше.

Почему?

«Дитя судьбы, чья духовная энергия угасает... Яосюань, похитивший духовные вены... Неужели между Е Хуаем и Яосюанем действительно есть связь?»

Тонкий луч духовной силы сорвался с кончиков пальцев Цзян Ту и молнией устремился к помосту. Никто ничего не заметил — лишь ветер на мгновение дунул резче, но тут же стих.

Казнь на помосте продолжалась. Из горла Яосюаня толчками хлестала кровь вперемешку с ошметками внутренних органов. Его тело качалось из стороны в сторону, подобно надломленному тростнику на ветру, но он упрямо не падал.

Цзян Ту скользнул по нему коротким взглядом и тут же отвернулся, мягко разминая напряженные мышцы шеи Е Хуая.

Сколько длилась эта медленная, мучительная смерть на сцене, столько же Е Хуай разделял чужую агонию. На пике боли он инстинктивно порывался спрятаться, прильнуть к Цзян Ту, но упрямо стискивал зубы. Он терпел изо всех сил, не желая обременять наставника своими страданиями.

Но когда холодная ладонь властно и непреклонно легла ему на затылок, прижимая к груди, Е Хуай уткнулся лицом в чужую одежду и попытался что-то прошептать.

Сверху раздался ровный, холодный, но странно успокаивающий голос Цзян Ту:

— Не упрямся.

Пользуясь моментом, Е Хуай послушно затих и теснее прижался к наставнику.

—... Шицзун...

Новый приступ боли заставил его глухо застонать, но он силой подавил этот звук.

Наконец, кровь Яосюаня иссякла. До самого последнего вздоха он не склонил головы и так и умер — стоя на коленях.

В то же мгновение Е Хуай словно вновь обрел способность дышать. Его пульс мгновенно выровнялся, а судороги прекратились. Но силы покинули его: он все еще не мог стоять на ногах и лишь тяжело, прерывисто дышал, опираясь на Цзян Ту.

Цзян Ту, уже собиравшийся отстраниться, снова положил ладонь ему на спину, мягко поглаживая и помогая восстановить дыхание. Он не заметил, как в глазах уткнувшегося в его грудь Е Хуая вспыхнул темный, нечитаемый огонек, и как юноша украдкой крепче сжал объятия.

Цзян Ту больше не вслушивался в то, о чем вещал Бессмертный владыка Куньянь.

Когда затянувшаяся церемония наконец подошла к концу, механические птицы-проводники, в которые вставили духовные камни, повели представителей разных орденов к отведенным им покоем.

Е Хуай будто только сейчас опомнился. Он поспешно отстранился, его взмокшая от холодного пота челка облепила лоб.

Цзян Ту поднял руку и небрежным, но заботливым движением убрал влажные пряди с его лица. Пройгнорировав вопросительные взгляды Чэн Жана и остальных, он решил пока ничего не объяснять.

К тому времени как они покинули зал собраний, небо уже подернулось сумерками — наглядное свидетельство того, сколько времени ушло на пустые поучения старейшин Среднего царства.

Они долго шли за деревянной птицей, но лишенное разума создание даже не думало останавливаться.

Величественные чертоги постепенно сменились запущенными постройками. Казалось, они покинули обжитые места Горы Просветленного Сердца и забрели на глухую окраину. Наконец птица замерла перед полуразвалившимся двором. Она склонила голову набок и уставилась на

прибывших своими бусинками-глазами.

— Орден Прихода и Ухода... курлык... располагается здесь. Надеемся, вы... курлык... преисполнитесь благодарности... то есть, будете чувствовать себя как дома.

Записанный в птицу голос звучал монотонно и безжизненно, однако в крошечных глазах деревянной твари явственно читалось презрение.

Не дав никому опомниться, птица взмахнула крыльями и взмыла ввысь. Она скрылась из виду в десять раз быстрее, чем вела их сюда, словно лишняя секунда в этом месте могла запачкать ее яркое оперение.

Цзян Ту лишь молча покачал головой. Даже если опустить издевательское «преисполнитесь благодарности», любому было очевидно: хозяева Горы Просветленного Сердца сознательно выставили их за порог. Похоже, во время предстоящего ритуала починки небес легкой жизни им ждать не стоит.

Лица у всех сделались кислыми, а Байцзэ и вовсе не скрывал брезгливости:

— За всю свою жизнь я ни разу не ночевал в подобной... глиняной мазанке!

Цзян Ту отнесся к этому равнодушно. Для него главное — крыша над головой; даже если бы им выделили голый деревянный каркас без стен, он бы не стал жаловаться.

Коротко кивнув Чэн Жану, он направился к самой невзрачной пристройке. Е Хуай, разумеется, поспешил следом.

Вдогонку им полетел возмущенный голос Байцзэ:

— Цзян Ту! Ты вот так просто бросаешь меня? А мне куда деваться? С кем мне спать?

Цзян Ту проигнорировал его причитания. Он отлично помнил, как в Ордене Прихода и Ухода этот наглец на словах рвался жить на его Пике Плывущих Облаков, а на деле семь дней из десяти проводил на Главном пике. Так что о его желании быть вместе не стоило и говорить.

Когда он толкнул хлипкую дверь, Е Хуай тихо спросил из-за спины:

— Шицзун, мы действительно оставим старшего Байцзэ?

— Если хочешь, можешь уступить ему свое место, — бросил Цзян Ту и вошел внутрь.

Комнатка оказалась крошечной, разделенной на две крохотные клетушки. Внутри не нашлось даже простого чайного столика — убранство было беднее, чем в захудалом постоялом дворе. В воздухе витал тяжелый запах гнилого дерева и плесени.

Цзян Ту попытался приоткрыть окно, но деревянная рама со стуком развалилась — древоточцы выели ее изнутри дочи́ста.

В образовавшуюся дыру ворвался холодный сквозняк. Цзян Ту шумно вздохнул, силой подавляя раздражение. В то же мгновение мягкая волна духовной силы аккуратно притянула остатки рамы назад, соткав невидимый барьер, преградивший путь ветру.

Е Хуай робко подошел ближе и заискивающе заглянул ему в глаза:

— Шицзун, да ну его, этого старшего Байцзэ. Позволь мне остаться с тобой.

Цзян Ту промолчал, что означало согласие, и спросил:

— Как себя чувствуешь?

Е Хуай покачал головой:

— Все прошло. Словно ничего и не было.

Цзян Ту повернулся и вновь прижал два пальца к его шее. На этот раз юноше не потребовалось напоминаний: он сам доверчиво склонил голову, ластиком прижимаясь к его руке.

К его сожалению, Цзян Ту быстро убрал руку и поманил его за собой:

— Иди сюда.

Цзян Ту подошел к столу и накрыл ладонью фитиль масляной лампы. Эта лампа служила простейшим артефактом земного ранга — она зажигалась сама с наступлением темноты и никогда не гасла. Теперь же огонек заплясал прямо в его ладони, послушно принимая форму распускающегося цветка туми. Мощная воля без труда подчинила себе чужое приспособление.

Внезапно комнату затопила непроглядная тьма. Лишь призрачный цветок туми продолжал гореть в темноте.

Бережно прикрывая хрупкое пламя рукой, Цзян Ту негромко произнес:

— Слушай.

Е Хуай понимал, что наставник ничего не делает просто так, и уж точно не собирается устраивать романтический вечер при свечах. Проглотив вертевшиеся на языке вопросы, он сосредоточился.

Огненный цветок тумы резко вспыхнул.

—... Ты видел Кость Цилиня? — раздался старческий, дребезжащий голос. Это был Бессмертный владыка Куньянь.

Е Хуай судорожно сжал кулаки, его дыхание сбилось. Откуда Гора Просветленного Сердца знает об этом? Неужели тогда, в ордене Стремительного Ветра, его тайну действительно раскрыли?

Цзян Ту прижал палец к губам, приказывая юноше успокоиться и не выдавать себя.

Вслед за этим вспыхнул еще один лепесток пламени.

— Да, глава ордена. Обычный сопляк, ничего особенного. Опасности не представляет. — Голос принадлежал Ци Чжао.

Владыка Куньянь спросил совершенно бесстрастно:

— Он действительно стал внутренним учеником Ордена Прихода и Ухода?

— Именно так, — почтительно отозвался Ци Чжао. — Его наставник — некто по фамилии Цзян. Я навел справки: захудалый бродячий заклинатель без рода и племени. Простой сброд, не заслуживающий внимания.

Цзян Ту даже бровью не повел. Он легким движением погасил колеблющиеся тени и щелчком отправил теплую искру духовной энергии в лоб ученика.

Юноша вздрогнул и потер лоб. Его зрачки, сузившиеся до звериных щелок, вновь округлились. Он обиженно надул губы, едва сдерживая ярость от того, с каким пренебрежением Ци Чжао отозвался о его мастере.

Цзян Ту на мгновение засомневался, кто перед ним — грозный зверь цилинь или раздувшаяся от злости рыба-фугу. Слова Ци Чжао хоть и звучали оскорбительно, по сути своей являлись правдой. Сам Цзян Ту не нашел в них повода для гнева, так почему же этот глупый мальчишка так кипит? Понять это было выше его сил.

Из пламени снова донесся вздох Владыки Куньяня:

— Без рода и племени, говоришь? А ты удосужился узнать, каков его уровень развития?

Ци Чжао, судя по звуку, занервничал, но упрямо продолжил:

— Разумеется, дедушка. Он достиг пика третьей ступени. Однако все мастера этой ступени в наших землях на счету. Этот выскочка взялся из ниоткуда. Наверняка Орден Прихода и Ухода просто напичкал его пилюлями ради престижа. Обычная пустышка.

В мире заклинателей подобные уловки не были редкостью.

Бессмертный владыка Куньянь не стал спорить:

— А у самого парня с Костью Цилиня? Ты знаешь, до какой ступени дошел он?

После недолгого молчания Ци Чжао недовольно буркнул:

— Начало третьей ступени. С момента его вступления в орден прошло от силы три года. Кто знает, может, его тоже вскормили снадобьями...

— Грозное бедствие не подделать, — отрезал Владыка Куньянь.

Голос Ци Чжао дрогнул от изумления:

— Что?! Неужели то небесное знамение было...

Тон старика стал суровым:

— Ты сам три года топчешься на месте, не в силах преодолеть барьер третьей ступени. А этот малец прорвался на нее мгновенно. Неужели твоя голова не способна сообразить, что духовные вены захолустного Ордена Прихода и Ухода не идут ни в какое сравнение с величием Горы Просветленного Сердца?

— А-Чжао, ты до сих пор считаешь его наставника никчемным шарлатаном?

Слышно было, как Ци Чжао со злостью стиснул зубы:

— Это невозможно... Неужели Кость Цилиня дает такое превосходство? Глава ордена, я немедленно прикажу перерыть все архивы и узнать подлинное имя этого бродяги...

— Довольно, — прервал его Владыка Куньянь. — В роду Ци двадцать три боковые ветви. Но

только ты и А-Ян были близки мне по крови. Увы, А-Ян покинул этот мир слишком рано. А ты... ты еще слишком глуп.

— С этого дня твое дело — представлять молодое поколение на церемонии починки небес. И больше ни во что не вмешивайся.

Раздался тихий шорох одежд — должно быть, Ци Чжао в отчаянии подполз ближе на коленях:

— Глава ордена... Что вы имеете в виду?

— Всеми делами займется твой третий дядя. Твоя задача — готовиться к состязаниям. Попробуй сразиться с этим юношей. Нам нужно понять предел его возможностей.

Цзян Ту взмахнул рукавом, гася догорающие лепестки. Над фитилем масляной лампы вновь заплясало обычное пламя.

— Значит... они следят за нами? — спросил Е Хуай, инстинктивно ища поддержки у наставника. — Шицзун, как нам поступить?

— Тебе следовало ожидать этого еще до того, как мы отправились в путь, — спокойно ответил Цзян Ту. — Чужие козни нас не касаются, делай то, что должен. Завтра начнется первый день состязаний учеников. Ложись спать и не вздумай опозорить меня.

С этими словами он снял верхнее одеяние и направился в свою половину комнаты.

Е Хуай постоял в нерешительности, после чего тоже ушел к себе.

Комнатка оказалась настолько крошечной, что в ней едва помещалось узкое ложе. Стоило Е Хуаю лечь, как его ноги свесились с края постели.

Он долго лежал без сна, уставившись в потолок и ворочаясь с боку на бок.

Странный приступ во время казни Яосюаня лишил его покоя, а подслушанный разговор старейшин не оставлял сомнений в том, что вокруг них плетется заговор.

Величественная и сияющая Гора Просветленного Сердца казалась теперь зловещим змеиным гнездом, а он сам, обладатель драгоценной Кости Циляня, был лишь приманкой, которую каждый мечтал заполучить.

Странно, но страха он не испытывал. Единственное, что по-настоящему задело его и заставило кровь кипеть от ярости, — это пренебрежительный тон, с каким Ци Чжао отозвался о Цзян Ту.

Он давно перестал быть тем беспомощным сосудом для парного совершенствования, способным лишь прятаться за спину своего покровителя.

Он имел третью ступень развития, и теперь пришел его черед защищать Цзян Ту.

Е Хуай коснулся браслета Циляня на запястье и прижал маленькую фигурку к лицу, глубоко вдыхая.

Запах наставника давно выветрился, уступив место его собственному аромату. Потеряв надежду уснуть, Е Хуай сел на постели и медленно прижал ладонь к деревянной перегородке.

За этой тонкой стеной спал Цзян Ту.

Если бы ему улыбнулась удача, и изголовье постели Цзян Ту тоже оказалось у этой стены...

«Можно ли тогда считать, что мы снова делим одно ложе?»

Стоило этой мысли промелькнуть в его голове, как волна странного жара поднялась из глубины живота и разлилась по телу.

В последнее время область его золотого ядра то и дело обдавало невыносимым зноем. Жар проникал в самые кости, заставляя Е Хуая балансировать на грани мучительного томления.

Все это началось после Грозового бедствия, но спешный отъезд на Гору Просветленного Сердца не оставил времени разобраться в себе. Е Хуай не хотел обременять орден своими слабостями, а больше всего — не желал тревожить Цзян Ту.

В конце концов, это была лишь легкая лихорадка внизу живота, не причинявшая явного вреда.

Но сейчас...

Перемена, произошедшая в его теле, заставила его растеряться.

Прежде это ощущение быстро проходило само собой. Но то ли виной тому были недавние объятия Цзян Ту, то ли осознание, что наставник находится совсем рядом, за стеной, подстегивало запретные фантазии — Е Хуай никак не мог успокоить взбудораженную кровь. Он мысленно повторил заклинание очищения разума сотни раз, но упрямая плоть отказывалась подчиняться.

Было невыносимо горячо. Мысли путались, словно его заживо бросили в пылающий горн.

Е Хуай прижался лбом к стене, но холод дерева не принес облегчения.

Сдавшись, он закрыл глаза. Его пальцы судорожно и крепко сжались, а с губ сорвался тихий, едва слышный вздох:

— Шицзун...

<http://bllate.org/book/19047/1988505>